
ANNALES
UNIVERSITATIS MARIAE CURIE-SKŁODOWSKA
LUBLIN – POLONIA

VOL. XXXIX

SECTIO FF

1-2021

ISSN: 0239-426X • e-ISSN: 2449-853X • Licence: CC-BY 4.0 • DOI: 10.17951/ff.2021.39.1.65-81

От романтизма к экзистенциализму, или
преемственность идей и формирование эстетики:
Густаво Адольфо Беккер и Мигель де Унамуну*

Od romantyzmu do egzystencjalizmu, czyli ciągłość idei i kształtowanie
się estetyki: Gustavo Adolfo Bécquer i Miguel de Unamuno

From Romanticism to Existentialism, or the Continuity of Ideas and the
Shaping of Aesthetics: Gustavo Adolfo Bécquer and Miguel de Unamuno

VLADIMER LUARSABISHVILI

Uniwersytet New Vision, Gruzja

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9510-5080>

e-mail: vluarsabishvili@newvision.ge

* This article is a result of the research carried out within the RDI project “Analogy, equivalence, polyvalence and transferability as cultural-rhetoric and interdiscursive foundations of the art of language: literature, rhetoric and discourse” (Acronym: TRANSLATIO. Reference: PGC2018-093852-B-I00), funded by the Spanish Ministry of Science, Innovation and Universities and by European Union.

Druk tomu sfinansowano ze środków Instytutu Filologii Polskiej UMCS. Wydawca: Wydawnictwo UMCS. Dane teled adresowe autora: New Vision University, 1a Evgeni Mikeladze St., 0159, Tbilisi, Georgia.

Резюме. В настоящей статье осуществлено сравнительное изучение характеристик романтического текста и экзистенциального мышления с целью выявления преемственности идей в процессе формирования эстетики. В частности, в результате изучения текстов романтического автора Густаво Адольфо Беккера прослеживается тематическая и семантическая схожесть с экзистенциальной философией Мигелья де Унамуно.

Ключевые слова: Густаво Адольфо Беккер, Мигель де Унамуно, испанский романтизм, испанский экзистенциализм

Abstrakt. W niniejszym artykule dokonano porównania cech tekstu romantycznego i myślenia egzystencjalnego w celu zidentyfikowania ciągłości idei w procesie kształtowania się estetyki. W wyniku analizy tekstów romantycznego autora hiszpańskiego romantyzmu Gustavo Adolfo Beckera przesłedzono tematyczne i semantyczne podobieństwo do hiszpańskiego egzystencjalizmu w filozofii Miguela de Unamuno.

Słowa kluczowe: Gustavo Adolfo Becker, Miguel de Unamuno, hiszpański romantyzm, hiszpański egzystencjalizm

Abstract. In the article a comparative study of the characteristics of the Romantic text and existential thinking is carried out in order to identify the continuity of ideas in the formation of aesthetics. In particular, the analysis of the texts by Gustavo Adolfo Bécquer reveals thematic and semantic similarities with the existential philosophy of Miguel de Unamuno.

Keywords: Gustavo Adolfo Bécquer, Miguel de Unamuno, Spanish Romanticism, Spanish Existentialism

Экзистенция – это то, что сейчас здесь ты должен сделать. Она исключает откладывание на завтра или перекладывание на плечи другого, на плечи ближнего, нации, государства, общества. Ты должен сам. А человек не склонен это делать.
Мераб Мамардашвили

1.

Настоящая статья преследует двоякую цель: практическую и теоретическую. В рамках практического исследования в ней изучены вопросы структуры романтического текста Густаво Адольфо Беккера и их связь с экзистенциальной эстетикой Мигеля де Унамуно; в рамках теоретических изысканий предложено размышление о возможной преемственности романтических характеристик в экзистенциальной доктрине на примере испанской литературы. Иными словами, ставится вопрос о вероятности преобразования (трансформации) романтического текста в экзистенциальный, с учетом временного и историко-культурных контекстуальных факторов.

В последнее время нами изучены разные характеристики романтического текста Беккера; в частности, исследованы поэтический сборник и легенды автора (Bécquer, 2003) и опубликованы статьи на темы: наличия **романтической иронии** в поэзии (Luarsabishvili, 2012), **чувства одиночества** в поэзии (Luarsabishvili, 2017, s. 247–259) и легендах (Luarsabishvili, 2015), **одиночной слезы** в легендах автора (Luarsabishvili, 2016). Параллельно была проведена переводоведческая работа, в результате которой напечатаны как научные статьи (Luarsabishvili, 2012; 2014), так и книга переводов поэзии и легенд Беккера (2013).

Что касается изучения творчества Унамуно, нами была проведена схожая работа как в рамках теории литературы и сравнительного литературоведения,¹ так и переводоведения.² Отдельными книгами изданы переводы известных романов автора: *Туман*³ и *Житие Дон Кихота и Санчо*.⁴

Следовательно, материалом настоящего исследования послужат два вида дискурса: литературный и философский. Они анализируются с учетом историко-культурного контекста романтизма и экзистенциализма. Выбранное нами литературное направление, как и философская доктрина, хронологически близки, что позволяет проследить схожесть и отличия обоих дискурсов. Их эстетика и семантика могут стать основанием для заключения о возможности наличия определенного междискурсного родства и возможности признания второго продолжением первого.

¹ Более подробно на эту тему см.: Luarsabishvili, Vladimer. (2012). Диалог и «чужое слово» как художественные приемы в романе Мигелья де Унамуно «Туман», *Eslavistica Complutense*, 12, s. 25–37; Luarsabishvili, Vladimer. (2021). Del pensamiento de Kierkegaard y *Rimas* de Bécquer a la cosmovisión de Unamuno”, *Daimon. Revista Internacional de Filosofía*, 82, s. 21–29.

² Luarsabishvili, Vladimer. (2016). La traducción de la metáfora – apuntes teórico-prácticos, *trans-kom*, 9(2), s. 305–314; Luarsabishvili, Vladimer. (2016). La traducción de la metáfora – una reflexión del traductor, *Revista de Investigación Lingüística*, 19, s. 251–268; Luarsabishvili, Vladimer (2017). Sobre la traducción de los textos filosóficos, *Tonos Digital*, 32, s. 1–14; Luarsabishvili, Vladimer. (2017). Traducción de los textos de Miguel de Unamuno al georgiano – la reflexión del traductor, *Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio I, 1*, s. 69–89.

³ Мигель де Унамуно, «Туман». Перевод с испанского на грузинский. Издательство Государственного университета имени Ильи (перевод Владимира Луарсабишвили), 2011, ISBN: 978-9941-18-066-8.

⁴ Мигель де Унамуно, «Житие Дон Кихота и Санчо». Перевод с испанского на грузинский. Издательство Государственного университета имени Ильи (перевод Владимира Луарсабишвили), 2013, ISBN 978-9941-18-148-1.

2.

В настоящей статье мы не остановимся на общих характеристиках романтизма и экзистенциализма, так как данные понятия не входят в основной круг заинтересованности нашего исследования; кроме того, в специальной литературе можно ознакомиться как с основными характеристиками романтизма (Wellek, 1949; Guillén, 1979; Mellor, 1980; Lacoue-Labarthe i Jean-Luc, 1988; Sebold, 2011) – в том числе испанского (Bousoño, 1981; Zavala, 1994; Silver, 1994; Sebold, 1999b) – так и экзистенциализма (Gambra, 1952; Prini, 1957; Grene, 1961; Olson, 1962; Jolivet, 1976; Sciacca, 1964; Villacañas Berlanga, 1980; Jaspers, 1980). Вместе с тем, существует немало работ, указывающих на литературные влияния, которые испытывали Беккер (Gómez de las Cortinas, 1950; Turk, 1959; Carrillo Alonso, 1987; Sebold, 1999a; López Castro, 2003)⁵ и Унамуно (Ribas Ribas, 1971, 1978, 1994; Salmerón-Jiménez, 1998; Garrido Ardila, 2008); отдельный корпус составляют работы, посвященные влиянию Беккера на последующих писателей (Esteban, 1995, 2008; González Dengra, 1998; Bundgård, 2005); третья часть работ посвящается изучению становления экзистенциальной мысли Унамуно (Vaya Menendez, 1966; Stern, 1967; Chaves, 1972). Наше исследование можно считать своеобразным углублением в этом направлении, в котором изложено не только влияние романтической эстетики на формирование мышления Унамуно, но и подчеркнут фактор преемственности идей севильского поэта в становлении космовидения философа из Саламанки.

Несколько слов о методологии статьи. Как отмечено выше, выбранные нами два типа дискурса будут изучены с учетом (в рамках) исторических и культурных факторов. Иными словами, мы выявим те хронологические и национально-художественные составляющие, которые формируют конкретные дискурсы: литературный (Беккер) и литературно-философский (Унамуно). Считаю, что анализ текстов с учетом упомянутых специфических характеристик позволит не только глубже изучить становление космовидения выбранных авторов, но и позволит обобщить полученные данные для пространственного сравнения специфики литературно-философских образов мышления.

Опытный исследователь литературы, литературовед или литературный критик не может упустить из вида одну парадигматическую особенность: каждое литературное течение (направление) эстетически отдалается от своего предыдущего и приближается к предшествующему предыдущему. Указанное легко объяснить: новое течение образуется как отличающееся (как протест)

⁵ http://www.cervantesvirtual.com/portales/gustavo_adolfo_becquer/estudios_autores/1; Gustavo Adolfo Bécquer, ed. by Russell P. Sebold, Madrid: Taurus Ediciones.

от существующего, а приближается же к предпредыдущему направлению потому, что: 1) отличается от предыдущего, которому противоположно новое течение, и 2) новое течение должно черпать культурные составляющие от хронологически не очень отдаленного направления.⁶ Возможно опираться и позаимствовать материал из народной словесности (что оправдано с культурно-национальной точки зрения), однако нехудожественный субстрат обязательно потребует эстетической обработки для формирования новой художественной эпистемы (Castro García, 1990).

Литературные течения не переходят из одной культурной эпистемы в другую по календарю и начало нового направления не означает конец предыдущего. Более того, на рубеже формирования, новое течение сосуществует со старым, авторы пишут тексты, одновременно культивируя два противодействующих направления. Как отмечал известный американский исследователь испанской литературы Рассел П. Себолд, литература развивается в постоянно меняющейся ментальной обстановке, со множественными пересечениями между старыми и новыми течениями, а также с неудавшимися попытками культивирования новых направлений (Sebold, 1992). Этот этап можно назвать переходным, во время которого предыдущая эстетика еще не отжила себя, и не до конца сформировалась новая. Наглядным примером сказанного может послужить следующая классификация из истории испанской литературы, предложенная профессором испанской литературы Хосе Мигеля Касо Гонсалеса,⁷ согласно которой авторы, родившиеся около 1735 года (тексты которых написаны в 1760–1770 годах), формируют группу Рококо; родившиеся около 1750 года (чьи тексты созданы между 1770 и 1790 годами) представляют переходную (транзиторную) группу авторов, так как они сложились в период Рококо, однако их тексты являются введением в Неоклассицизм; и, наконец, писатели, родившиеся около 1762 года (их тексты написаны после 1790 года), представляются неоклассическими авторами (Caso González, 1970).

Для осмысления выбранного дискурса важно не только изучение его семантики, но и понимание историко-культурного контекста. Литературные

⁶ Действительно, романтики испытывали антиклассические настроения, черпая вдохновение в средневековой эстетике, превращая ее в часть каждодневной реальности. Классицизм начал олицетворять все то, что противоречило честному и праведному выражению человеческой реальности (Pedraza Jiménez, Felipe y Rodríguez Cáceres, Milagros. (1983). *Manual de Literatura Española*. Pamplona: Cenlit; На рост популярности средних веков на протяжении XVIII века также указывал известный английский исследователь испанской литературы Эдгар Аллисон Пирс (Allison Peers, Edgar. (1973). *Historia del movimiento romántico español*. Madrid: Gredos).

⁷ Хосе Мигель Касо Гонсалес (1928–1995) —заведующий кафедрой языка и литературы в Университете Овьедо, ректор университета в 1973–1977 годах, основатель института Феихоо.

направления, будучи универсальными (Романтизм) или унилатеральными (Костумбризм), отражают социально-политический фон эпохи. Эпоха романтизма, возможно, является самым ярким моментом истории всей Европы, когда литература стала активной составляющей политической жизни. Писатели принимали участие в освободительных боях против наполеоновской армии, в войне Греции с Турецкой империей и в польском восстании против царей. Испанский поэт Хосе де Эспронседа стоял на парижских баррикадах 1830 года; более того, романтические авторы занимали важные государственные посты, например Франсиско Мартинес де ла Роса был председателем правительства, Мариано Хосе де Ларра, Хосе де Эспронседа и Хоакин Телесфоро де Труэба и Коссио – депутатами, Патрисио де ла Эскосура и Рос де Олано – военными, а Никомедес Пастор Диас, Гарсия Тассара и Мигель де лос Сантос Альварес – послами. В следствии, в конце XVIII и на рубеже XIX веков в Испании сложилась новая литературная традиция. Если до конца XVIII века литература способствовала укреплению монархической власти и выражала основные моральные принципы человека, то после в периодической прессе, в критических статьях и поэтических сборниках начали циркулировать идеи, согласно которым литература, на рациональных основах выражающая то, что образованные слои населения считали истинной ценностью, способствовала интеллектуальному и моральному развитию членов общества и обеспечивала существование и сохранение легитимного политического порядка (Rodríguez de León, 2012). Социальная нестабильность, как одна из важных причин политических колебаний, опосредована изменением мышления в обществе: идеи начинают интерпретироваться иначе (они не меняются в смысловом плане, а лишь трактуются иначе).

Читая тексты как классических авторов,⁸ так и более современных писателей я заметил, что в разных эпохах были распространены смежные идеи. При этом интересно было наблюдать одну закономерность: идеи, которые с первого взгляда казались новыми, при глубоком рассмотрении оказывались реинтерпретацией ранее высказанных мыслей. Так, размышляя об истории

⁸ На тему литературного канона в общем, и испаноязычной литературы в частности, среди прочих, см.: Bloom, Harold. (1995). *El canon occidental*. Barcelona: Editorial Anagrama; *El Canon Literario*. (1998). Compilación de textos y bibliografía de Enric Sullà, Madrid: Arco/Libros; Pozuelo Yvancos, José María y Aradra, Rosa María. (2000). *Teoría del canon y literatura española*. Madrid: Cátedra; Pozuelo Yvancos, José María. (2006). Canon e historiografía literaria. *Mil Seiscientos Dieciséis, Anuario*, XI, s. 7–28; Aradra Sánchez, Rosa María. (2009). Los procesos de formación del canon. (Reflexiones metodológicas sobre el canon literario español de los siglos XVIII y XIX). *Signa*, 18, s. 21–44; Pulido Tirado, Genara. (2009). El canon literario en América Latina. *Signa*, 18, s. 99–114; Larraz, Fernando. (2017). Censura, exilio y canon literario. *Historia Actual Online*, 42(1), s. 49–56.

Метафизики, известный испанский философ и ученый Хулиан Мариас указывал на возникновение и исчезновение конкретных идей не по причине их решения, а по неактуальности конкретной проблематики (Magías, 1954). После возвращения ко временно забытым мыслям, происходит не культивирование их по новой схеме, а предлагается иная интерпретация.

Интерпретация, как метод восприятия (рецепции) идей может иметь тройное значение. Первое состоит в том, что тексты предыдущих философов являются материалом для интерпретации последующих мыслителей. Согласно Хосе Солана Дуесо, Платон и Аристотель анализировали идеи своих предшественников, и это критическое и диалогическое чтение сформировалось как философская традиция вплоть до Бенедикта Спинозы, Иммануила Канта и Георга В. Ф. Гегеля (Solana Dueso, 2010). Следовательно, исследуя оригинальные идеи автора, возможно заподозрить наличие предшествующих им идей, послуживших материалом (субстратом) для современных мыслей. Второе значение интерпретации – это анализ текстов философов со стороны их переводчиков. В специальной литературе известно, что философское мышление развивалось в переводах и переводах переводов с греческого на арабский, и с арабского на латинский языки, совершенных философами и переводчиками (Chico Rico, 2015). Третье значение интерпретации состоит в том, что она может явиться инструментом для трансформации первичного значения идеи. Это случай с возникновением **романтической иронии** – мысль, родившаяся в голове Сократа и получившая название **сократической иронии**, была развита и культивирована (интерпретирована) теоретиками романтизма, вследствие чего изменила не только наименование, но и основной смысл (Biemel, 1962; Navas Ruiz, 1998); в таком (новом) виде она была принята и развита в хронологически последующей эстетике – в экзистенциализме. В следующей части статьи мы коротко опишем те основные характеристики романтического текста Беккера, которые связаны со становлением экзистенциального мышления Унамуно.

Статья состоит из пяти частей. Вслед за коротким введением и описанием методологии исследования, во второй части изложены стержневые проблемы романтического текста Беккера, а в третьей – их влияние на формирование мышления Унамуно; в завершающей, четвертой части статьи предложены основные итоги нашего исследования, обобщена теоретическо-философская связь между испанским романтизмом и экзистенциализмом.

3.

В текстах испанского писателя Беккера нами изучены некоторые универсальные характеристики романтизма, в частности **романтическая ирония, одиночная слеза и чувство одиночества**. На этой основе было исследовано космовидение автора, возымевшее большое значение на развитие испанского экзистенциализма в целом, и формирование художественной эстетики Унамуно в частности.

Первая характеристика, на которую было обращено наше внимание, – **романтическая ирония**. В специальной литературе имеется немало публикаций, описывающих возникновение и основные функции иронии в романтическом тексте, следовательно, мы не коснемся этих вопросов в настоящей статье. В связи с тем, что наличие **романтической иронии** является одним из составляющих романтической эстетики, проведены исследования о присутствии таковой в текстах авторов-романтиков испанской литературы. Известные ученые рекомендовали изучить вопрос (Behler, 1990; Zavala, 1994), в испанском литературоведении Джон Рейд (Reid, 1934) и Октавио Пас (Paz, 1965) отрицали (за исключением текстов Эспронседы), а Рикардо Навас Руис (Navas Ruiz, 1998) указывал на ее наличие (на основе исследования текстов Ларры, Сорильи, Эспронседы, Кампоамора и Беккера).⁹ Мы изучили наличие **романтической иронии** в поэзии Беккера (стихи XIII, XVIII, XXXIV, XLII, XLIV, XLVI, XLIX) (Luarsabishvili, 2012a; 2012b) и пришли к выводу, что Беккер употребляет **романтическую иронию** с целью самодистанцирования и понятия организации вселенной, она является основой космовидения автора и тесно связана с экзистенциальной философией Унамуно, о чем будет сказано в следующем разделе статьи. (Самодистанцирование, попытка рассмотреть разные темы в поисках пути одного решения с разных перспектив, является основным выражением **романтической иронии**.)¹⁰

Чувство одиночества является одним из универсальных симптомов романтизма (Sebold, 2011, s. 313–314). Оно присутствует как в поэзии, так и в прозе Беккера (Luarsabishvili, 2015; 2017). Автор создает собственный мир

⁹ На эту же тему, см.: Del Vecchio, Eugene. (1984). Schlegelian philosophic and artistic irony in Bécquer. *Hispania*, 72, s. 220–225; Romero Tobar, Leonardo. (1995). Risa en larra, la risa de Larra. *Actas del V Congreso (Nápoles, 1–3 abril de 1993). La sonrisa romántica (sobre lo lúdico en el Romanticismo hispánico)*, s. 195–206 ; West-Settle, Cecile. (2005). Personalized and depersonalized discourses: irony and self-consciousness in Bécquer's Rimas. *The Studies in 20th & 21st Century Literature*, 29, s. 151–167.

¹⁰ На эту тему, см.: Arce Gimeno, Amparo. (2000). La ironía y su definición (sobre la distancia irónica). *Themata*, 25, s. 95–100.

внутри **одинокства**, наполняет его вымышленными существами, которые часто появляются ночью (тем самым подчеркивая глубину **одинокства**, ее интенсивность). Таким образом, Беккер устанавливает связь между сном/мечтой (вымышленным миром) и реальностью/смертью (реальным миром), строя мост между романтической эстетикой и экзистенциальной доктриной.

И, наконец, одна из универсальных романтических метафор **одинокная слеза** (Sebold, 2011, s. 319–320). Нами показано, что в *Легендах* Беккера она имеет двоякий смысл: выражает целостность и глубину душевного состояния (Luarsabishvili, 2016). В поисках цельности автор подчеркивает роль индивида в формировании (достижении) целого. В то же время указанная метафора имеет подытоживающую функцию повествования, являясь своеобразным завершением романтической сцены.

4.

Исходя из конкретной цели данной статьи, а также учитывая наличие в специальной литературе множества монографий и статей, посвященных детальному анализу и классификации разных видов названной философской доктрины,¹¹ мы не будем описывать основные характеристики экзистенциализма.

Что касается распространения экзистенциальных идей в научных и широких кругах Испании, следует отметить, что они стали проникать в страну в начале XX века. Примером могут служить появление Киркегора в испанской литературе,¹² переводы текстов Освальда Шпенглера (в 1923 году), Франца Brentано (в 1926 году), и Вильгельма Дильтея (в 1933 году); Хосе Ортега-и-

¹¹ Библиография экзистенциализма богата и доступна для широкого круга исследователей и заинтересованных лиц. Интересная статья принадлежит перу профессора Э. Ю. Соловьева: «Экзистенциализм (историко-критический очерк)», *Вопросы философии*, №3, 1966 и №1, 1967; также мы укажем пять статей, которые были опубликованы полвека тому назад и могут представлять определенный библиографическо-исторический интерес для испаноязычного исследователя: Frutos, Eugenio. (1948). La interpretación existencial del estado en Heidegger. *Revista de Estudios Políticos*, 39–42, s. 159–167; Battaglia, Felice. (1950). Existencialismo y marxismo. *Revista de Estudios Políticos*, 53, s. 13–27; Martínez Torres, Emilio. (1950). En torno al existencialismo. *Argensola: Revista de Ciencias Sociales del Instituto de Estudios Altoaragoneses*, 2, s. 165–172; Domínguez Berrueta, Juan. (1950). La moda existencialista. *Revista nacional de educación*, 94, s. 58–70; Ignacio Alcorta, José. (1952). Existencia, libertad y opción en el existencialismo. *Revista de Estudios Políticos*, 61, s. 127–132.

¹² Статья Унамуно «Ибсен и Киркегор» была напечатана в 1907 году. Уолтер Лоури, как один из известных переводчиков текстов Киркегора, отмечал, что Унамуно был одним из первых, кто познакомил Испанию с мышлением датского философа (Lowrie, Walter. (1938). *Kierkegaard*. New York: Oxford University Press).

Гассет уже в 1928 году рассматривал текст Хайдеггера «Бытие и время», а в 1933 году на испанском языке было опубликовано «Что такое метафизика?».

Отдельную тему для литературоведческих штудий представляет вопрос о наличии и степени развития экзистенциализма в самой испанской культуре (Marías, 1953; Álvarez, 1980). В рамках указанного, в специальной литературе давно развивалась мысль об экзистенциальных характеристиках текстов Унамуно (Alonso-Fueyo, 1949; Almeida, 1966; Chaves, 1972; Charlebois, 1985; Asunción Alba Pelayo, 1989; Gelabert Ballester, 1989; Álvarez Castro, 2012, 2015; Ocampo Frutos, 2015–2016; Callero, 2016; Huertas Aguado, 2017). В 1966 году в престижном журнале философии «Convivium», издаваемом университетом Барселоны, была напечатана статья под названием *Унамуно, экзистенциальный философ* (Vayá Menéndez, 1966), в которой детально проанализирована нить мышления Унамуно в контексте европейского экзистенциализма. Немалый интерес представляет статья, напечатанная в журнале кафедры Унамуно, в которой литературные наследия Льва Толстого¹³ и Унамуно рассмотрены в контексте христианского экзистенциализма (с точки зрения философии мышления Киркегора).¹⁴

В литературе имеются данные о родстве мышления Беккера и Унамуно. Известный исследователь текстов Унамуно Бенедикта Вотье описывает влияние Беккера на мышление Унамуно и на формирование современной испанской поэзии (Vauthier, 2009). Кроме схожей эстетики прослеживается и фактор личных симпатий – известно, что Киркегор является одним из основоположников романтического экзистенциализма, теорию которого в практическом плане осуществил Беккер; оба автора вдохновили Унамуно, основоположника экзистенциализма в Испании.

Для развития собственных идей Унамуно заимствовал некоторые литературные темы Беккера, он их развил и переработал. В текстах философа встречается не только прямая интертекстуальность, т.е. фрагменты дискурса Беккера в мышлении Унамуно, но и развитие общих тем. «Donde habite el olvido» Беккера тесно связано с «Seré lectura mañana también yo» Унамуно – оба автора понимают жизнь как «lucha» («combate» в терминологии Беккера), они развивают одну и ту же тему, но каждый по своему.

¹³ Касательно философического мышления Толстого, см.: Ключова, М.Л. (2002). Метафизические основы нравственно-религиозного непонимания Л.Н.Толстого. *Этическая мысль*, 3, s. 211–235; Hajnády, Zoltán. (2009). Бытие к смерти (Толстой и Хайдеггер). *Croatica et Slavica Iadertina*, 5, s. 473–492; Kréssova, Nina. (2011). Lev Tolstói y el existencialismo, в сборнике *Lev Tolstói en el mundo contemporáneo*. Granada: Comare.

¹⁴ Hamling, Anna. (2003). Tolstói, Unamuno, y el existencialismo cristiano. *Cuadernos de la Cátedra Miguel de Unamuno*, 38, s. 91–105.

Идеи формируют мышление. Чем глубже меняется смысл идеи, тем выразительнее развитие мышления. Исторически существует определенное соотношение между изменением структурирования мысли и социальной нестабильностью в обществе. С одной стороны, политическо-общественные колебания являются плодотворной почвой для развития мышления; с другой – измененное структурирование мысли обуславливает социальные сдвиги. Одним из примеров эпох, ярко свидетельствующих об отложении смысловых изменений в истории и культуре, является Романтизм (Pedraza Jiménez, у Rodríguez Cáceres, 1983).

Среди основных принципов, ущемление которых вызывает общественные разногласия и может служить предпосылкой для развития революционных движений, особое место занимает свобода личности. В романтической эстетике именно свобода была ассоциирована с осознанием собственных возможностей, со средством глубинного изучения самого себя. Выдвигая себя на передний план индивид старается объяснить собственное поведение в данном историко-культурном контексте. Познание собственного «я» не всегда связано с получением удовольствия, скорее наоборот – Беккер, следуя тропе самопознания, испытывает определенный ужас, сравнивая обнаруженное состояние с пропастью (стих XLVII). Романтическое восприятие развилось и в романтическом экзистенциализме – Киркегор отождествлял внутренний мир с вечностью (Kierkegaard, 2013, s. 292). Унамуну, испытывающий огромное влияние мышления датского философа, оплакивал свою самость, задаваясь вопросом о всех собственных «я», проходящих ежедневно и ставил последний, критический вопрос – что станет с его последним «я», с «я» смерти? (Unamuno, 2002, s. 86).

Однако как может личность примириться и сделать осознанной частью себя ужас, его составляющий? Ужас, который овладевает им при наблюдении и умственном постижении собственной ничтожности? Единственным приемлемым путем самовосприятия может стать иная, отличающаяся рецепция сущности, допускающая существование нетрагичных границ трагичного. Этот новый, или пересмотренный взгляд на собственную ничтожность может быть по своей структуре лишь ироническим. Именно отсюда берет свое начало иронический путь самопознания человека.

Применение иронии как инструмента для самоопределения в XIX веке не требовало наличия особой фантазии для мыслящего человека по двум причинам. Во-первых, эта была эпоха социальных колебаний, для выживания в которой личности следовало найти определенное убежище; во-вторых, в истории уже существовал наглядный пример, а главное культурный опыт применения иронии в общественной жизни – еще древние греки совершенствовали мысль,

используя иронию и диалогическую структуру речи. Однако сказанное вовсе не ущемляет достижение теоретиков романтизма, скорее наоборот – после длительного периода потери сократического значения и превращения в одну из фигур риторики, именно в эпохе романтизма ирония была переработана и семантически развита, стала частью исторического контекста. Позже, в экзистенциальном космовидении, ирония начнет медленный поворот на исходный, сократический круг мышления.

Унамуно использовал диалогичность для трансформации иронии. Подобно Шлегелю, который переработал **сократическую иронию** (основываясь на диалогической природе иронии) в **романтическую** (настроил на нее мыслительные и освободительные для личности значения), Унамуно использовал диалог для поиска слабых сторон в собственных теориях, тем самым формируя экзистенциальную иронию. (Диалогизм Унамуно несократического типа, т.к. автор ищет слабые места не у собеседника, а у самого себя.) Таким образом, ирония в экзистенциализме частично вернула свою основную функцию – поиск истины; в результате, отличаются лишь методы ее поиска в разных эстетиках.

Еще одной темой, которую наряду с **иронией** детально рассматривает в своих текстах Унамуно, является **одиночество**. Будучи одним из универсальных симптомов романтизма, **одиночество** подчеркивает степень отторженности личности от общества, которая углубляется в одиночестве внутри самого себя; однако именно это «самоодиночество» превращает ничтожного человека в личность, способную культивировать эстетические идеи, как отмечал Унамуно (Unamuno, 1981, s. 50). Следовательно, одиночество имеет как романтические (Беккер, стих LI), так и экзистенциальные (Унамуно) оттенки (Unamuno, 1981, s. 32).

Вдумчивого человека беспокоят мысли о смерти. Эта тема детально рассмотрена в романтической культуре. Самоубийство и умозрение собственного «я» является выражением романтического восприятия мира. Желание остаться в памяти и чаяние бессмертности характерны для мышления Унамуно. Однако человеческому уму непостижима субстанция бессмертия и единственное, что ему остается, это выдумать ее. Для Киркегора вечность имеет метафизическую основу. Видимо, поиски соотношения между жизнью и смертью являются ключевыми как в **романтизме**, так в **экзистенциализме**. Романтики мечтают в вымышленном мире, а экзистенциалисты размышляют о роли мечты в романе и задаются вопросом: мечтает автор в романе, или вечность в авторе. В обоих случаях тема общая: попытка достичь мудрости, иными словами, понять причины рождения, самопознания и собственной роли в жизни, которая дается личности.

5.

Я хотел бы отметить одно свойство **иронии**, которая до сих пор не была подчеркнута, а именно то, что ирония, по своей природе, двойственна – с одной стороны ее наличие помогает личности понять собственную ничтожность, с другой – придает ей надежду для продолжения существования. Как субстрат, **ирония** приемлема для человека, так как мы являемся противоречивыми существами, изменяющимися и малостатичными. Человеческий организм, пребывая в состоянии постоянного гомеостатического равновесия, характеризуется динамической активностью мозга, позволяющей ему выжить в определенных условиях. В этом и заключается **первая связь** между романтизмом и экзистенциализмом.

Одиночество тесно связано с экзистенциальностью. Парадоксально, но то, что связывает побег от общества с возможностью продолжения существования, само является первопричиной отчуждения – это общество, развивающее человеческое стремление существовать внутри нее, стать ее частью (Унамуно, 1972, с. 69). Это является **второй связью** между романтизмом и экзистенциализмом.

Романтическое направление в культуре определенным образом напоминает форму существования политической партии – как первое, так и второе основаны и самовыражаются определенными составляющими элементами. Автор романтического текста строит дискурс с ироническими декорациями, наполняя его настоящими и вымышленными существами, ставя цель объяснить данную реальность, которая по своей сущности малопонятна и является результатом измененного мышления. Автор, или романтический герой, ищет потерянную целостность, что наглядно демонстрирует Беккер с помощью **одиночной слезы в Стихах и Легендах**. В поисках целостности, автор подчеркивает значение единичного в формировании целого. В одной и той же реальности сосуществуют Унамуно и его герои. В этом заключается **третья связь** романтизма с экзистенциализмом.

Подытожим: между **романтизмом** и **экзистенциализмом** может существовать определенная преемственность идей, так как: 1) ирония является состоянием, позволяющим личности понять собственное ничтожество и пережить ее; 2) для выживания в обществе личность создает собственный мир, по своей структуре вымышленно-реальный, в котором находится, размышляя об абстрактных (романтизм) и реальных (экзистенциализм) ориентирах, и 3) в собственных размышлениях индивид стремится к формированию целостности и при этом изучает свою роль.

В завершении следует подчеркнуть одну важную особенность: **экзистенциализм** не является и не может быть эстетическим или идеологическим продолжением **романтизма**; я лишь указываю на некоторые идеи **экзистенциализма**, которые имеют свои корни в **романтической** эстетике. Сказанное является одной из демонстрацией исторически известного отношения между философией и литературой: у обоих много общего с точки зрения семантики и стилистики, в специальной литературе имеются статьи о первенстве развития одного над другим. Сократ и Платон могут быть признаны авторами многих первичных идей, получивших развитие в трудах последующих поколений. Ведь именно после платонической реформы трансформации философии в литературу, множество философских идей нашли убежище в литературном нарративе. Те философские мысли, которые поколение романтиков освоило и сделало частью романтической эстетики, уходят корнями в разные философские доктрины. Именно по этой причине романтические идеи легко было усвоить и переработать в экзистенциальном космовидении. В связи с этим вспоминаются слова Киркегора, описывающего отношение между индивидом и видом – индивид начинает все сначала, тогда как вид продолжает свое развитие (Kierkegaard, 2013, s. 88). Идеи продолжают развиваться в разных культурных эпистемах, но каждое литературное течение или философская доктрина формируется по-новому. Следовательно, важно изучать первичные формы идей для того, чтобы проанализировать их свойства при сложении конкретного дискурса.

БИБЛИОГРАФИЯ/BIBLIOGRAFIA/REFERENCES

- Alba Pelayo, María Asunción. (1989). Unamuno y Graham Green: dos versiones de un tema existencial. *Actas del Congreso Internacional Cincuentenario de Unamuno*, 4, pp. 365–370.
- Almeida, José. (1966). Algunos impactos del existencialismo en la poesía de Miguel de Unamuno. *Revista de Literatura*, 29(57–58), pp. 101–110.
- Álvarez Castro, Luis. (2012). ¿Quién mató a Augusto Pérez? Control hermenéutico y chantaje existencial en Niebla, de Unamuno. *Revista de estudios hispánicos*, 46(1), pp. 25–47.
- Álvarez Castro, Luis. (2015). *Los Espejos del yo: existencialismo y metaficción en la narrativa de Miguel de Unamuno*. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca.
- Álvarez, Guzmán. (1980). La temporalidad existencial en Azorín. In: Rugg, E. and Gordon A.M. (coord.). *Actas del Sexto Congreso Internacional de Hispanistas* (pp. 51–54). Toronto: University of Toronto.
- Alonso-Fueyo, Sabino. (1949). Existencialismo español. Ortega y Gasset, Unamuno y Xavier Zubiri. *Saitabi: Revista de la Facultad de Geografía i Història*, 7(31–32), pp. 3–11.
- Behler, Ernst. (1990). *Irony and the Discourse of Modernity*. Washington: University of Washington Press.
- Bécquer, Gustavo Adolfo. (2003). *Rimas y Leyendas*. Madrid: Alba.

- Biemel, Walter. (1962). La ironía romántica y la filosofía del idealismo alemán. *Convivium*, 13–14, pp. 29–48.
- Bousoño, Carlos. (1981). *Épocas literarias y evolución. Edad Media, Romanticismo, época contemporánea*. Madrid: Gredos.
- Bundgård, Ana. (2005). Raíces becquerianas de la razón poética. *Aurora: papeles del Seminario María Zambrano*, 7, pp. 7–15.
- Callero, Felipe. (2016). Unamuno, ¿filósofo? *Revista de Filosofía*, 48(141), pp. 27–52.
- Carrillo Alonso, Antonio. (1987). La influencia del cantar andaluz en Gustavo Adolfo Bécquer. *Cauce. Revista de Filología y su Didáctica*, 10, pp. 167–197.
- Caso González, José Miguel. (1970). Los conceptos de Rococó, Neoclasicismo y Prerromanticismo en la literatura Española. *Cuaderno de la Cátedra Feijoo*, 22, pp. 7–29.
- Castro García, Isabel de. (1990). Presencia de Heine en las imitaciones eruditas del cantar popular. *Epos, Revista de Filología*, 6, pp. 243–262.
- Charlebois, Lucile. (1985). Ser-en-el-mundo: el teatro existencial de Miguel de Unamuno. In: H.L. Boudreau (coord. por.), *Studies in honor of Sumner M. Greenfield* (pp. 49–66). Lincoln, NE: Society of Spanish and Spanish-American Studies.
- Chaves, Marcia C. (1972). Unamuno: existencialista cristiano. *Cuadernos de la Cátedra Miguel de Unamuno*, 22, pp. 61–81.
- Chico Rico, Francisco. (2015). La traducción del texto filosófico: entre la literatura y la ciencia. Castilla. *Estudios de Literatura*, 6, pp. 94–112.
- Esteban, Ángel. (1995). Bécquer y el premodernismo venezolano: Juan Antonio Pérez Bonalde. *RILCE*, 11(1), pp. 51–67.
- Esteban, Ángel. (2008). Un Bécquer trasatlántico: su influencia en Perú. *Letral*, 1, pp. 1–16.
- Gambra, Rafael. (1952). Posibilidades éticas en el existencialismo. *Revista de Filosofía*, XI(42), pp. 401–442.
- Garrido Ardila, Juan Antonio. (2008). Nueva lectura de *Niebla*: Kierkegaard y el amor. *Revista de Literatura*, LXX(139), pp. 85–118.
- Gelabert Ballester, Martín. (1989). Dios, “El Inmortalizador”, exigencia de la búsqueda existencial en Miguel de Unamuno. *Azafea: revista de filosofía*, 2, pp. 81–99.
- Gómez de las Cortinas, José Frutos. (1950). La formación literaria de Bécquer. *Revista bibliográfica y documental*, 4(1–4), pp. 77–101.
- González Dengra, Miguel. (1998). Bécquer, precedente de la modernidad. *Epos*, XIV, pp. 227–238.
- Grene, Marjorie. (1961). *El sentimiento trágico de la existencia. Análisis del existencialismo*. Madrid: Aguilar.
- Guillén, Claudio. (1979). De influencias y convenciones. *1616: Anuario de la Sociedad Española de Literatura General y Comparada*, II, pp. 87–97.
- Huertas Aguado, Eloy. (2017). El “tragicismo” como opción existencial de Miguel de Unamuno. *Estudios Filosóficos*, 192(66), pp. 269–290.
- Jaspers, Karl. (1980). *Filosofía de la existencia*. Buenos Aires: Aguilar.
- Jolivet, Régis. (1976). *Las doctrinas existencialistas*. Madrid: Gredos.
- Kierkegaard, Sören. (2013). *El concepto de la angustia*. Madrid: Alianza Editorial.
- Lacoue-Labarthe, Philippe, Jean-Luc, Nancy. (1988). *The Literary Absolute: The Theory of Literature in German Romanticism Intersections*. New York: State University of New York Press.
- López Castro, Armando. (2003). *Bécquer y los poetas del Siglo Oro*. León: Universidad.
- Luarsabishvili, Vladimer. (2012a). La ironía romántica en las *Rimas* de Bécquer. *AdVersus*, IX, pp. 136–149.
- Luarsabishvili, Vladimer. (2012b). Un intento de la traducción poética: Gustavo Adolfo Bécquer en georgiano (algunos ejemplos). *Hermēneus*, 14, pp. 363–368.

- Luarsabishvili, Vladimer. (2014). Retórica y traducción: las *Rimas* de Bécquer en georgiano. *Rétor, Revista de Retórica*, 4(1), pp. 36–55.
- Luarsabishvili, Vladimer. (2015). La *sensación de la soledad* en las *Leyendas* de Bécquer. *AdVersuS*, XII, pp. 122–136.
- Luarsabishvili, Vladimer. (2016). La *lágrima solitaria* en las *Leyendas* de Bécquer. *AdVersuS*, XIII, pp. 167–177.
- Luarsabishvili, Vladimer. (2017). La *sensación de la soledad* en las *Rimas* de Bécquer. Aproximación a la poesía metafísica. *Revista de Filosofía*, 42(2), pp. 247–259.
- Mariás, Julián. (1953). *El existencialismo en España*. Bogotá: Ediciones “Universidad nacional de Colombia”.
- Mariás, Julián. (1954). *Ideas de la metafísica*. Buenos Aires: Editorial Columba.
- Mellor, Anne. (1980). *English Romantic Irony*. Cambridge: Harvard UP.
- Navas Ruiz, Ricardo. (1998). El modo irónico y la literatura romántica española, in Díaz Larios Luis Felipe. In: Miralles Enrique (eds.), *Del Romanticismo al realismo: Actas del I Coloquio de la Sociedad de Literatura Española del Siglo XIX* (pp. 223–238). Barcelona: Universitat.
- Ocampo Frutos, Daniel. (2015–2016). Lo trágico como condición existencial del hombre en Schopenhauer y Unamuno. *Logos: Revista de Filosofía*, 44(127–128), pp. 21–44.
- Olson, Robert G. (1962). *An Introduction to Existentialism*. New York: Dover Publications.
- Paz, Octavio. (1965). *El caracol y la sirena*. México: Mortiz.
- Pedraza Jiménez, Felipe y Rodríguez Cáceres, Milagros. (1983). *Manual de Literatura Española*. Pamplona: Cénlit.
- Prini, Pietro. (1957). Las tres edades del existencialismo. *Monteagudo: Revista de literatura española, hispanoamericana y teoría de la literatura*, 19, pp. 4–19.
- Reid, John. (1934). Romantic Irony and Satire. *Hispania, First Special Number*, pp. 81–96.
- Ribas Ribas, Pedro. (1971). El Volksgeist de Hegel y la intrahistoria de Unamuno. *Cuadernos de la Cátedra Miguel de Unamuno*, 21, pp. 23–33.
- Ribas Ribas, Pedro. (1978). Unamuno y Hegel. *Cuadernos de la Cátedra Miguel de Unamuno*, 25–26, pp. 55–89.
- Ribas Ribas, Pedro. (1994). Unamuno, lector de Hegel. *Cuadernos de la Cátedra Miguel de Unamuno*, 29, pp. 111–122.
- Rodríguez de León, María José. (2012). Literatura y política: la función de la literatura en las primeras décadas del siglo XIX. *Revista de Literatura*, LXXIV, 148, pp. 401–428.
- Salmerón-Jiménez, María Angélica. (1998). Unamuno, precursor del existencialismo. *La Palabra y el Hombre*, 106, pp. 105–120.
- Sciaccia, Michele Federico. (1964). *Philosophical Trends in the Contemporary World*. Indiana: University of Notre Dame Press.
- Sebold, Russel. (1992). Periodización y cronología de la poesía setecentista española. *Anales de literatura española*, 8, pp. 175–192.
- Sebold, Russel. (1999a). Bécquer en sus comienzos neoclásicos. *Salina: Revista de Lletres*, 13, pp. 71–80.
- Sebold, Russel. (1999b). La génesis del drama romántico: “La condesa de Castilla”, de Cienfuegos. *Dieciocho: Hispanic Enlightenment*, 22(2), pp. 265–280.
- Sebold, Russel (2011). La cosmovisión romántica: siete síntomas y cinco metáforas. *Castilla. Estudios de Literatura*, 2, pp. 311–323.
- Silver, Phillip. (1994). Towards a revolutionary theory of spanish romanticism. *Revista de estudios hispánicos*, 28, pp. 293–302.
- Solana Dueso, José. (2010). La filosofía griega en el siglo XXI. *Daímon. Revista Internacional de Filosofía*, 50, pp. 169–178.

- Stern, Alfred. (1967). *Unamuno: Pioneer of Existentialism*. Los Angeles: Penguin.
- Turk, Henry Charles. (1959). *German romanticism in Gustavo Adolfo Bécquer's short stories*. Lawrence, Kansas: Allen Press.
- Unamuno, Miguel de. (1972). *San Manuel Bueno, Mártir y tres historias más*. Madrid: Espasa-Calpe.
- Unamuno, Miguel de. (1981). *Soledad*. Madrid: Espasa-Calpe.
- Unamuno, Miguel de. (2002). *Antología poética*. Madrid: Alianza Editorial.
- Vauthier, Bénédicte. (2009). Releyendo Teresa. Rimas de un poeta desconocido presentadas y presentado por Miguel de Unamuno a la luz de una cuartilla inédita. Un alegato unamuniano a favor de la modernidad de Bécquer. In: Ana Chaguaceda Toledano (ed.), *Miguel de Unamuno. Estudios sobre su obra IV: actas de las VII Jornadas unamunianas* (pp. 47–57). Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca.
- Vaya Menendez, Juan. (1966). Unamuno, filósofo existencial. *Convivium*, 21, pp. 287–298.
- Villacañas Berlanga, José Luis. (1980). Las tesis de Kant sobre la noción de existencia. *Teorema. Revista internacional de filosofía*, 10(1), pp. 55–84.
- Wellek, René. (1949). The Concept of 'Romanticism' in Literary History. The Term 'Romantic' and its Derivates. *Comparative Literature*, 1(1), pp. 1–23.
- Zavala, Iris. M. (1994). *Historia y crítica de la literatura española: Romanticismo y Realismo*. Barcelona: Crítica.

Data zgłoszenia artykułu: 23.01.2021

Data zakwalifikowania do druku: 04.03.2021